

С. Ю. КИРЮШИН, Д. В. СЕНЬ

«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»: СУДЬБА БЕЛОГО КОМИССАРА К. Л. БАРДИЖА

Одним из выдающихся кубанцев, чья политическая и общественная деятельность пришлась на бурный и богатый событиями период начала XX в., был казачий офицер, депутат Государственной думы всех четырех созывов, впоследствии – комиссар Временного правительства на Кубани, Кондратий Лукич Бардиж.

В советской историографии наблюдается практически полное отсутствие исследовательского интереса к его личности, а если имя К. Л. Бардижа и «мелькало» на страницах отдельных трудов, то лишь рефреном описания событий революции 1917 г. и Гражданской войны на Кубани. По сути имя этого человека откровенно замалчивалось, хотя К. Л. Бардиж, без сомнения, был политиком российского масштаба и человеком, передовым для своего времени. В последнем случае речь идет о взглядах нашего земляка на казачество как явление, не вполне уже соответствовавшее (менталитетом, хозяйственным обликом и др.) реалиям заката Российской империи.

Говоря о сути авторского замысла, мы подчеркиваем: историческое сознание современных жителей Кубани (например, в части их отношения к «казачьему прошлому» края) формируется под влиянием не только фольклорных, но и политических мифов, в создании которых участие принимают, к сожалению, отдельные представители научного мира. Взгляды этих ученых зачастую формируются вне контекста исторической эпохи, вне данных «голо-

Кирюшин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, генеральный директор Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына.

Сень Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Северо-Кавказского научно-исследовательского института истории и социокультурных исследований.

сов эпохи», которые «неудобны» мифологизаторам от науки, не замечающим противоречий взглядов самого казачества – исторически обманутого царизмом «полупривилегированного сословия».

Первоначальное освещение деятельности К. А. Бардижа получила в трудах белоэмигрантских исследователей. Первой попыткой осмысления его роли в противодействии наступлению на Кубань большевиков (начало 1918 г.) стала работа Д. Е. Скобцова (1). Являясь очевидцем описываемых событий, он посвятил несколько страниц своей книги деятельности Бардижа по организации отрядов «вольного казачества». Авторы статьи о К. А. Бардиже в «Казачьем словаре-справочнике», помимо его участия в событиях на Кубани 1917 – начала 1918 гг., кратко охарактеризовали и предыдущие этапы жизненного пути, хотя данное повествование (2) пестрит многочисленными неточностями, о которых будет сказано ниже.

Отрицательную оценку получили личность и деятельность К. А. Бардижа в работах историков советского периода. Идеологическая заданность зачастую заставляла их пренебрегать аргументами в защиту своей позиции, поэтому преподносимые ими нелестные характеристики Бардижа носили, по сути, характер огульной критики. Например, И. Я. Куценко так писал о казаке-думце в своей известной монографии «Кубанское казачество»: «Неудивительно, что этот прожженный политикан и делец стал комиссаром контрреволюционного Временного правительства на Кубани» (3).

А. А. Зайцев, автор статьи о К. А. Бардиже в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани...», описывает его биографию в соответствии с версией «Казачьего словаря-справочника» (повторяя все ее неточности) и цитирует приведенную выше фразу из книги Д. Е. Скобцова, соглашаясь, по-видимому, с данной последней характеристикой Бардижа (4). Глухим раздражением по отношению к «казачьему диссиденту» пронизано весь публицистический очерк В. П. Бардадыма, который впервые привлек для изучения его биографии документы из фондов Государственного архива Краснодарского края (5).

Некоторые аспекты участия К. А. Бардижа в выборах в Государственную думу и его деятельности в высшем представительном органе Российской империи начала XX в. были затронуты в монографии Л. А. Карапетяна (6). Упоминания о Бардиже как комиссаре Временного правительства на Кубани, довольно часто встречаются в трудах современных исследователей истории казачества (В. П. Трут, Л. И. Футорянский) (7).

Таким образом, исходя из состояния историографии, следует заключить, что личность К. А. Бардижа оценивалась историками по-разному, зачастую – диаметрально противоположно, а основное внимание уделялось периоду его пребывания в должности комиссара Временного правительства. Примечательно также, что исследователи достаточно редко использовали архивные материалы (за исключением В. П. Бардадыма, хотя его очерк нельзя

назвать в полном смысле научным). Настоящая статья и призвана в некоторой степени ликвидировать данный пробел региональной историографии посредством проявления недостающих и изучения спорных мест биографии Кондратия Лукича.

Источниками для написания статьи послужили в первую очередь дело-производственные документы фондов Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК), а также документы личного происхождения. Первая группа представлена отношениями, рапортами, докладами, прошени-ями, по большей части относящимися к служебной деятельности К. А. Барди-жа. Цикл документов личного происхождения представлен мемуарами современников К. А. Бардижа (8), статьями самого Кондратия Лукича, опубликованными в местной прессе (9) и т.д. Данная совокупность источников позволяет хотя бы в первом приближении решить целый комплекс проблем, связанных с раскрытием основных черт биографии видного кубанского политического деятеля.

Кондратий Лукич Бардиж родился 9 марта 1868 г. в ст-це Брюховецкой. Семья Бардижей была небогата, его отец окончил службу простым урядником, но все же нашел возможность отправить сына учиться в г. Екатерино-дар, в мужскую гимназию. Денег для оплаты обучения у казачьей семьи не хватало, поэтому Кондратий в числе других бедных учеников вынужден был обращаться к администрации гимназии с просьбами о выдаче денежного пособия для внесения оплаты за обучение (10).

В гимназии Кондратий учился примерно с 1880 по 1887 гг. В «Кубанском словаре-справочнике» имеется упоминание о том, что в 1885 г. он был якобы исключен из учебного заведения за «принадлежность к нелегальному кружку» (11), однако данный факт не находит подтверждения в источниках. Последний раз имя К. А. Бардижа фигурирует в делах фонда Кубанской войсковой гимназии в 1886 г. (12), а о «нелегальном кружке» в документах не упоминается вовсе. Скорее всего, данный сюжет – своего рода легенда, возникшая уже в эмигрантской среде, хотя саму возможность существования этого «кружка» отвергать, конечно, нельзя. Сам Бардиж позднее вспоминал, что его «заставили» подать прошение об увольнении перед самым закрытием гимназии в 1888 г.

Курс отвлеченных дисциплин, преподававшихся в классической гимназии, судя по всему, не нашел отклика в душе будущего казачьего офицера, хотя педагоги не высказывали о нем отрицательных суждений. В 1888 г. К. А. Бардиж поступил в Ставропольское юнкерское кавалерийское училище, которое окончил в 1890 г. по первому разряду (13).

Свою военную карьеру К. А. Бардиж начал в чине подхорунжего в 1-м Полтавском конном полку, где прослужил до 1894 г. и получил чин хорун-

жего. Во 2-м Полтавском конном полку, куда его перевели впоследствии, Кондратий Лукич пребывал на службе два года, с 1894 по 1896. К сожалению, за отсутствием необходимых источников более подробно осветить его службу в этих полках не представляется возможным.

К. Л. Бардиж служил в то достаточно спокойное время, когда Российская империя практически не вела войн. Однако ряд казачьих полков, в том числе и 1-й Черноморский (в который наш герой был переведен в 1896 г.), стоял тогда в Закавказье, обеспечивая порядок на территории, пограничной Османской империи. Кондратий Лукич служил в урочище Джелал-Оглы в Тифлисской губернии, где с 1896 г. располагалась штаб-квартира 1-го Черноморского полка (14). Принадлежа к числу офицеров штаба полка, К. Л. Бардиж в июле 1898 г. получил весьма ответственную должность полкового адъютанта (15), в которой прослужил по крайней мере до октября 1899 г. (16), под началом полковника Л. А. Смирницкого. Следующим этапом служебной карьеры казачьего офицера стало его назначение временно командующим сотней в составе 1-го Черноморского полка с апреля 1899 г. по январь 1900 г. (17). Позже Кондратий Лукич служил в 3-й сотне того же полка, командовал которой подъесаул А. Н. Захаров (18).

Еще в начале 1890-х гг. Кондратий Лукич женился на дочери екатеринодарского мещанина, с которой прожил до своей трагической гибели в 1918 г. Супруга Анна делила со своим мужем неудобства военного быта, находясь с ним в местах службы. В 1891 г. у четы родился сын Вианор, двумя годами спустя – Николай (19), впоследствии разделившие несчастную судьбу отца.

Семью Бардижей в период службы ее главы нельзя было назвать богатой. В данной связи показателен следующий факт. В 1895 г. скончалась сестра Кондратия Лукича Мария, завещавшая ему преимущественное право приобретения дома в ст-це Брюховецкой (20). Бывший супруг Марии Иван Машенко запросил у своего шурина две тысячи рублей за этот дом, однако тот в течение четырех лет так и не смог изыскать средств для покупки недвижимости (21).

Незаурядные способности К. Л. Бардижа сыграли немалую роль в назначении его адъютантом комендатуры г. Екатеринодара, куда он был командирован в июле 1901 г. (22). Здесь, в центре Кубанской области, он получил чин подъесаула (23). В 1903 г. К. Л. Бардиж вернулся в родную ст-цу Брюховецкую, был избран станичным атаманом и занимал эту должность в течение года. В следующем 1904 г., Кондратий Лукич был зачислен в комплект Кубанских казачьих полков, то есть стал офицером запаса (24).

Окончание службы для К. Л. Бардижа практически совпало с началом его политической деятельности. 17 октября 1905 г., на пике российской революции 1905–1907 гг., был опубликован Высочайший Манифест, объявлявший

о необходимости даровать населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Устанавливалось «незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы». Дума должна была наблюдать за законностью действий министров. Таким образом, в России вскоре должен был появиться свой парламент.

Численность депутатов Государственной думы менялась. В 1905–1906 гг. Дума состояла из 524 депутатов, после «третьеиюньского переворота» число депутатов сократилось до 442 (в 1910 г. добавились 4 депутата от Финляндии, и общее число составило 446 чел.). В период с 1905 по 1907 гг. существенные изменения претерпело и положение о выборах. В частности, существенно сократилось представительство от окраинных территорий. Так Кавказ (включавший Терскую, Кубанскую и Дагестанскую области, Черноморскую губернию, Закатальский округ, губернии, области и округа Закавказья) сначала представляло 29 депутатов (6% от общего числа), а затем их число снизилось до 10 депутатов (2%). Соответственно снизилось представительство по Кубано-Черноморскому избирательному округу – с 6 до 2 человек. Один депутат избирался от невоинского населения, второй – от Кубанского казачьего войска. В этих условиях особенно важно было, кто именно будет представлять интересы кубанцев в Думе.

Механизм выборов в Государственную думу был чрезвычайно сложным, поскольку выборы не были прямыми. Избрание членов Госдумы проводилось областным избирательным собранием, которое составляли выборщики от съездов землевладельцев, городских избирателей и уполномоченных от волостей и станиц. В отделах Кубанской области сверх трех избирательных съездов, созывавшихся по общероссийским законам, создавался еще особый съезд уполномоченных от казачьих станиц. Таким образом, в Кубанской области и Черноморской губернии образовывались два избирательных собрания: одно – из выборщиков от съезда уполномоченных от казачьих станиц и другое – из выборщиков от остальных трех съездов. По казачьей курии созывался съезд уполномоченных от станиц, выбиравшихся на станичном (как правило, избирательные участки совпадали со станицами) сходе. Они, в свою очередь, избирали своих уполномоченных на областной съезд, на котором избирались собственно выборщики депутатов Государственной думы от Кубанского казачьего войска (далее – ККВ). Число выборщиков от Кубанского войска составляло 45 человек.

Нужно отметить, что всего в состав Государственной думы за четыре созыва входило 69 казаков разных казачьих войск. В I и II Думах было по 26 депутатов-казаков, в III Думе их было 18, в IV – 15 человек (25). Из них только двое – известные казачьи общественные деятели демократической ориента-

ции донской казак В. А. Харламов и К. Л. Бардиж от Кубанского казачьего войска – являлись депутатами Думы всех четырех созывов. Причем из пяти кубанских казаков-думцев только Бардиж мог в полную силу проявить себя как думский деятель, ведь I-я и II-я Госдумы, в которые по избирательному закону 1906 г. избиралось по 3 представителя от ККВ, действовали очень недолго. В Думах последующих двух созывов Кондратий Лукич являлся единственным представителем кубанского казачества. В ходе думской работы он проходил школу формирования политической культуры, приобретал ценный опыт парламентской работы.

I Государственная дума открыла свою работу 27 апреля 1906 г. Но к этому времени выборы по Кубано-Черноморскому округу еще не состоялись. 24 мая выборщики от казачьего населения, среди которых был и К. Л. Бардиж, приняли требования кубанского казачества к Думе: широкое самоуправление, снаряжение на службу на общевойсковой и казенный счет, сокращение срока службы до двух лет, ликвидация приговорительного разряда, 2-й и 3-й очереди, отказ от полицейской службы казаков, передача войсковых и казенных земель в распоряжение демократических земств, выкуп земли у частных владельцев и т.д. (26).

Выборы в I Государственную думу на Кубани состоялись 26–28 мая 1906 г. От казаков в первый день был избран только Н. Г. Кочевский, а на следующий – доизбраны К. Л. Бардиж и П. А. Гришай. «Кубанские областные ведомости» так охарактеризовали личность Кондратия Лукича: «Из среды казачьих офицеров г. Бардиж выделяется начитанностью и культурностью своих взглядов. Та резкая нетерпимость к «городовикам», которую можно наблюдать сплошь и рядом у казаков, у него совершенно отсутствует; по характеру это мягкий, спокойный и рассудительный человек. Политические убеждения г. Бардижа нам не вполне известны, но несомненно – это депутат с либеральной окраской» (27).

Дальнейшие события подтвердили мнение областной газеты. 7 июня депутаты от Кубанской области и Черноморской губернии отбыли в Петербург, а 9 июля 1906 г. Дума была распущена царем. Таким образом, на работу первым кубанским думцам был отпущен всего один месяц. Тем не менее, К. Л. Бардиж и Н. Г. Кочевский успели проявить себя, поддержав депутатский запрос (подписи свои под запросом они не поставили, но поддержали устно) о роспуске казачьих частей, укомплектованных из запасных второй и третьей очереди в конце 1905 – начале 1906 гг. и используемых для несения полицейской службы. 13 июня 1906 г. они выступили в Думе при обсуждении этого вопроса (28), причем Бардиж заявил, что «кубанские казаки не желают бороться с русскими гражданами и разорять их и себя». Политическое значение этого запроса было весьма значительно: «Впервые с трибуны Государ-

ственной Думы представители казачества пытались дистанцироваться от действий правительства, не желая выполнять карательные функции, и хотя Дума не смогла добиться отмены закона, дальнейшая мобилизация казаков для несения внутренней службы была приостановлена» (29).

Консервативные круги войскового начальства ККВ крайне негативно относились к деятельности К. Л. Бардижа в Государственной думе. Уже после первых его вступлений в августе 1906 г. начальник войскового штаба ККВ ходатайствовал перед наказным атаманом о разрешении «предложить подъесаулу Бардижу подать в отставку», так как, по его мнению, «подъесаул Бардиж по своим убеждениям и поступкам является недостойным носить офицерский мундир Кубанского казачьего войска» (30) из-за того, что «принадлежа к корпорации офицеров-Кубанцев, зная взгляды и понятия их о чести и долге перед Государем и родиной, подъесаул Бардиж, <...> вместо того, чтобы выступить с защитительною речью против речей, осуждающих сознание и исполнение казаками высоких задач, связанных с понятием о воинской чести, выражающейся в верности престолу и отечеству, <...> остался не только равнодушным ко всему слышанному, позорному, обидному и оскорбительному для офицера, а казака в особенности, но и сам в своей речи <...> высказывает взгляды и суждения недостойные офицера» (31). Таким образом, против Бардижа выдвигалось обвинение в нарушении корпоративной чести. По законам Российской империи такой проступок карался отставкой в дисциплинарном порядке. С ходатайством об этом наказной атаман ККВ обратился к Войсковому наказному атаману Кавказских казачьих войск, но, пока шло разбирательство дела, Бардиж был избран во II Думу.

Эта Дума открыла свою работу 20 февраля 1907 г. По инициативе Ф. А. Щербины в ее составе была образована казачья фракция, объединившая 30 депутатов от Донского, Уральского и Кубанского казачьих войск (32). Члены казачьей фракции разработали собственную программу, нацеленную на восстановление демократических порядков в казачьих войсках и их автономии. К. Л. Бардиж резко высказался против военно-полевых судов и участия в них военных. В своей речи в марте 1907 г. он говорил: «Эти суды должны быть уничтожены, потому что они позорят самое лучшее, что есть у нас – нашу плоть и кровь – нашу армию» (33).

Это выступление вновь доставило ему серьезные неприятности на родной Кубани. Практически сразу же в «Кубанских областных ведомостях» было помещено от имени офицеров ККВ (имена не указывались) письмо, в котором заявлялось, что Бардиж «не достоин звания офицера» и вновь выдвигались обвинения в нарушении корпоративной чести (34). В свою очередь, наказный атаман обратился к Войсковому наказному атаману Кавказских казачьих войск и в Главное Управление казачьих войск с очередным ходатайством об увольнении офицера-думца в отставку, причем в соответствующем рапорте

говорилось не только о его «возмутительных» речах в думе, но и о несоответствии его требованиям строевой службы (35). Осенью 1907 г. Войсковой наказной атаман предписал предложить Бардижу самому подать прошение об увольнении от строевой службы, в противном случае – представить к увольнению без прошения, т.е. в дисциплинарном порядке (36).

В конце концов предложение об уходе в отставку было направлено кубанскому депутату, однако тот назвал все соображения о «неудовлетворительности его требованиям войсковой службы» «придуманньми», что наказной атаман Н. И. Михайлов достаточно превратно воспринял как «оскорбление на письме» (37). В рапорте все к тому же Войсковому наказному атаману Кавказских казачьих войск гр. Воронцову-Дашкову от 6 ноября 1907 г. он заявил, что «Бардиж весь отдался политике, то есть делу, ничего общего с делом офицера не имеющему» (38). Завершение данного сюжета было малоприятным для недоброжелателей свободолюбивого казака: в феврале 1908 г. граф Воронцов-Дашков в своем отношении Н. И. Михайлову подчеркнул, что «увольнение от службы подьесаула Бардижа в настоящее время являлось бы крайне запоздалым и могло бы дать повод видеть в нем не справедливую кару, а месть» (39). По приказу Войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск переписка по вопросу об увольнении К. А. Бардижа была прекращена.

Следует отметить, что данное дело «тянулось» полтора года, и его вдохновители очевидно преследовали цель дискредитировать депутата Бардижа перед избирателями. Однако провокация не удалась, свидетельством чему является тот факт, что казачество Кубани на протяжении более чем десятка лет неизменно доверяло Кондратию Лукичу защиту своих интересов в Государственной думе.

К. А. Бардиж был избран депутатом и в III Думу от ККВ, причем единственным депутатом от кубанского казачества! В парламенте Кондратий Лукич возглавил группу депутатов – представителей казачьих областей, в которую вошли не только собственно казаки-думцы, но и представители иногородних представители этих областей (40). Учитывая представительства казачьих депутатов после введения третьиуньского избирательного закона и сложностей работы казачьей фракции во II Думе, члены группы решили не выработать казачью программу общего политического характера, а разработали программу, затрагивавшую местные интересы казачьих областей.

В ходе работы III Думы они сконцентрировали свое внимание на чисто практических целях в духе демократических реформ: 1) критике законопроектов, внесенных правительством на рассмотрение Думы, с позиций интересов населения казачьих областей и 2) внесении самостоятельных законопроектов местного значения для представляемых областей (41). Выступления Бардижа были одними из самых ярких. Так Кондратий Лукич выступил

против столыпинской реформы, имевшей целью разрушение общинной собственности на землю. По его словам, казачество было крайне возмущено самой постановкой вопроса об изменении землепользования (42). Будучи сторонником сохранения общевойсковой собственности на землю, он все же считал необходимым изменить существовавший порядок землепользования с тем, чтобы удлинить срок пользования казаками своими наделами с последующей передачей по наследству. Решить проблему снаряжения казака на службу он предлагал не за счет паевого надела, за счет обложения налогом всех без исключения земель, а излишнее для военных целей население следовало, по его мнению, переориентировать на торгово-промышленную деятельность (43). Высказывался кубанский казак-депутат и за расширение возможностей казачьего самоуправления, и за созыв Войсковой Рады, опубликовав в местной прессе ряд писем «К вопросу о реорганизации местного самоуправления» (44).

Кондратий Лукич, будучи депутатом Государственной думы, в числе других общественных деятелей подписывался под многими декларациями и открытыми письмами демократического характера. Так в ноябре 1911 г. в газете «Речь» было опубликовано обращение известного писателя В. Г. Короленко «К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев» (45), посвященное осуждению действий лиц, сфабриковавших так называемое «дело Бейлиса». В числе десятков известных и уважаемых людей (М. Горький, А. Блок, В. Немирович-Данченко, М. Туган-Барановский, П. Милюков и др.) под воззванием подписался и К. А. Бардиж. Демократической направленностью отличался и депутатский запрос, адресованный министрам внутренних дел и юстиции по поводу организации Союзом русского народа и участия его членов в подготовке и совершении ряда преступлений, внесенный в Думу в мае 1909 г., под которым К. А. Бардиж также подписался (46).

Избран был Кондратий Лукич и в IV Государственную думу, причем выборы проходили в довольно острой борьбе. Кандидатура Бардижа прошла большинством всего в один голос: 22 против 21 (47). Однако, несмотря на происки недоброжелателей, подобные описанным выше, казачий депутат не изменял своему политическому кредо, даже после наступления столыпинской реакции пытаясь защищать завоевания российской революции. Хорошо знавший его по совместной работе в Думе Ф. Черячукин писал уже после трагической гибели Бардижей: «... всегда в своей неизменной коричневой черкеске с кинжалом и газырями, придававшими ему воинственный вид, с несколько старовечерским обликом благодаря бороде, Кондрат Лукич являл собой типичного казака-кубанца... Несколько медлительный и осторожный, он “не рубил с плеча”, а как истый казак, действовал “навERNЯКА”, обсудив положение, взвесив

последствия, учитывая конъюнктуру...» (48). Не менее яркая картина рисуется в описании г-на Тана, лично общавшегося с К. Л. Бардижем: «Когда я разговаривал с Бардижем, мне вспоминались буры из южной Африки. Такая же упрямая, сильная, замкнутая в себе натура. Даже разговаривают неохотно, все соображают, как бы не вышло какого ущерба для моей нации и для меня самого» (49). Современный же исследователь политической истории нашей страны так оценивает деятельность Бардижа в Думе: он «воспринял многие положения кадетской программы и являлся сторонником восстановления казачьих демократических институтов, сохранения казачества как опоры Отечества от внешней угрозы. Именно это обеспечило ему победу на выборах во все четыре Думы» (50).

Одна из статей К. Л. Бардижа в «Кубанском крае» называлась «Казачество и экономическая жизнь» (51). В ней отразился его глубокий интерес к вопросам кубанской экономики. Ведь сам он являлся серьезным предпринимателем, имел довольно крупное хозяйство в родной ст-це Брюховецкой (в списке выборщиков от Кубанской области он значился как «сельский хозяин») (52), сдавал свою землю в аренду. С 1909 г. стал активно интересоваться железнодорожным строительством на Кубани.

Дело в том, что при проведении Новороссийской ветки Владикавказской железной дороги осталась в стороне значительная часть станиц бывшей Черномории. Из-за отсутствия удобных подъездных путей эти станицы ежегодно теряли при продаже хлеба в целом около 15 млн руб., так как продать его нужно было очень быстро, до наступления бездорожья. Решить проблему могло только сооружение железной дороги, которая связала бы их с портами Азовского и Черного морей.

Осуществление этой идеи началось в 1909 г. при активной поддержке наказного атамана ККВ и начальника Кубанской области генерала М. П. Бабьча, обратившегося к населению «черноморских станиц» с предложением обсудить вопрос о постройке железной дороги и выделить средства на ее сооружение. В его циркулярах подчеркивалось, что постройка такой железной дороги станет основой общего экономического и культурного подъема района. В конце июня 1909 г. в ст-це Брюховецкой состоялся съезд представителей от более чем 50 черноморских станиц (Темрюкского, Кавказского, Ейского, Екатеринодарского отделов области), городов Ейска и Екатеринодара. На съезде присутствовал К. Л. Бардиж, что особо отмечалось в местной прессе (53) – поддержка проекта депутатом Государственной думы имела серьезное значение, т.к. все законопроекты, касающиеся железнодорожного строительства, проходили через утверждение Госдумы.

20 июня 1911 г. был утвержден устав Черноморско-Кубанской железной дороги. Ее учредителями стали 12 уполномоченных от станиц и хуторских об-

щество и Екатеринодара, в число которых вошел и К. А. Бардиж (54). Среди акционеров общества можно назвать таких известных на Кубани общественных деятелей, как Ф. А. Щербина, Г. М. Концевич, К. П. Гаденко, М. И. Поночевный и др. Сам Кондратий Лукич имел акций на сумму до 19 тыс. руб. (в разное время указывается различное количество акций). Вскоре он был избран директором правления Черноморско-Кубанской железной дороги (55). На этой должности он состоял два года, отвечая за устройство телеграфа, телефонной связи, водопровода по линии строящейся дороги (56). Нужно отметить, что и здесь не обошлось без неприятностей. Деятельность руководства новой дороги подверглась резкой критике со стороны газеты «Кубанский край», издатели которой даже выпустили брошюру с очень красноречивым для тех лет названием: «Родная Панама. Общественное мародерство на Кубани». Члены правления Черноморско-Кубанской дороги – К. Т. Живило, Н. С. Рябовол, В. В. Кржижановский, К. А. Бардиж – обвинялись в обмане населения и финансовых махинациях. Полемика вокруг этой книги длилась не один месяц, и, в конечном счете, каждый остался «при своем мнении».

Выйдя из состава директоров правления, но оставшись акционером ЧКЖД, Кондратий Лукич продолжал отстаивать ее интересы не только на месте, но и в столице. Так уже в 1916 г., будучи официальным представителем интересов Кубанской области в комиссии о новых железных дорогах, он отстаивал проект новой линии «Черноморки»: Екатеринодар–Алексеевский–Горячий Ключ–Туапсе (57).

Строительство Черноморско-Кубанской железной дороги еще только начиналось, а члены ее правления занялись еще одним прибыльным делом – основали акционерное общество по добыче портланд-цемента, получившее название «Аиндар». В конце 1913 г. был пущен завод «Скала», построенный этим обществом у разъезда Гейдук Владикавказской железной дороги. Полностью свои мощности этот завод не смог использовать. Особенностью же работы общества «Аиндар» стало то, что производство цемента совмещалось с ведением сельского хозяйства (58).

Апофеозом политической деятельности К. А. Бардижа стал 1917 год. После Февральской революции он был назначен комиссаром Временного правительства по Кубанской области. В. П. Трут писал, что в качестве комиссаров в области Юго-Востока страны «назначались казаки-кадеты, члены IV Государственной Думы», которые «... играли заметную роль среди казачьих лидеров» (59). Каждое свое действие местные органы власти должны были согласовывать с представителем Временного правительства. Уместно будет здесь привести слова современника описываемых событий, крупного политического деятеля и известного боевого генерала А. И. Деникина, так говорив-

шего о «белых комиссарах»: «Роль комиссаров Временного правительства была довольно неопределенной, права и обязанности не ясны... Впрочем, комиссары после кратковременной и неудачной борьбы вскоре ступшевались и не проявляли никакой деятельности» (60). Однако деятельность на этом ответственном посту Бардижа свидетельствовала об обратном. Тем неубедительней выглядят такие резкие слова И. Я. Куценко и В. П. Бардадыма в адрес казака-думца, как «политикан и демагог».

Прибыв в Кубанскую область 16 марта (уже после ухода в отставку наказного атамана М. П. Бабыча), К. А. Бардиж, по некоторым сведениям, первым обвинил его «в том, что тот спрятал телеграмму об отречении Николая II от престола» (61). Тем временем на Кубани полным ходом шло формирование новых органов власти.

В начале марта 1917 г. был избран Исполнительный комитет Екатеринодарского Совета рабочих депутатов и, почти одновременно, Временный кубанский областной исполком из состава образованного Кубанского гражданского комитета. 9–8 апреля казаки совместно с иногородними участвовали в работе областного съезда уполномоченных населенных пунктов Кубанской области, который избрал областной Совет смешанного состава. 17 марта в Екатеринодаре собрался съезд представителей станиц Кубанской области, заседавший более месяца. На этом форуме было провозглашено создание Кубанской Рады и Временного войскового правительства.

К. А. Бардиж принимал участие в заседаниях Временного Кубанского исполнительного комитета и был в числе делегатов съезда представителей станиц. Находясь на высоком посту, выступая в защиту казачества, Кондратий Лукич нажил себе новых недругов – на этот раз среди иногороднего населения области. Так на упомянутом съезде станичных представителей армавирская делегация попыталась подорвать его авторитет, однако остальные делегаты «в противовес этой попытке устрожили Бардижу шумную овацию» (62). Кондратий Лукич проявил максимум политической мудрости и выступил с предостережениями против «увлечения демагогическими лозунгами» (63). Приказом Бардижа в целях подавления революционных выступлений в июне были распущены как «левые» станичные Советы, так и состоявшие в своей основной массе из кадетов гражданские комитеты.

Между тем общенациональный кризис углублялся, центральные органы власти уже не могли в полной мере контролировать положение дел на местах. Авторитетные представители казачеств Юга России видели выход из создавшегося положения в создании Юго-Восточного союза, автономного образования, которое, согласно их планам, должно было войти в состав России на началах федерализма. В июле 1917 г. в Новочеркасске состоялось совещание

по вопросу создания этого союза, на котором, наряду с будущим атаманом ККВ А. П. Филимоновым, присутствовал и К. А. Бардиж. На совещании было решено разработать положение о Юго-Восточном Союзе (64).

После ликвидации двоевластия в июле 1917 г. К. А. Бардиж 9 июля своим постановлением № 57 объявил о переходе всей полноты власти на Кубани в руки войскового правительства как органа, «в ведении которого находятся все неупраздненные установления местной власти» (65). 14 июля 1917 г. из областного Совета вышли все представители казачества и образовали Кубанский Войсковой Совет, готовивший «созыв Кубанской Рады» (66). На Кубани началась постепенная ликвидация местных Советов.

В этот период у Кондратия Лукича появилось немало противников среди радикально настроенных политиков местного значения, заседавших в областном Совете, желавших нажать политический капитал путем обвинения опытного и уважаемого кубанского общественного деятеля в «контрреволюционности и непонимании духа времени» (67). Однако население Кубани неизменно продолжало оказывать ему поддержку. Общественные сходы многих станиц (Тифлисской, Незамаевской и др.) в своих приговорах, направленных в Екатеринодар, выражали доверие комиссару Временного правительства: «...благодаря разумному понятию Бардижем момента у нас спокойно течет общественная жизнь на Кубани»; «...Бардиж не случайное лицо в Кубанской области, его казачество четыре раза избирало членом Государственной Думы; все мы хорошо его знаем как человека и как государственного и общественного деятеля» (68); «тактикой его все коренное население довольно и даже очень довольно»; «только ему доверяет все коренное население Кубанской области и всегда готово поддержать его» (69).

Патриотизм и выверенная гражданская позиция К. А. Бардижа проявились в дни корниловского мятежа 1917 г., когда он обратился к населению Кубанского края с призывом «сохранить полное спокойствие и порядок и воздерживаться от каких бы то ни было активных выступлений, могущих повлечь братоубийственную гражданскую войну» (70). По инициативе К. А. Бардижа 25 августа 1917 г. было создано Особое Совещание при комиссаре Временного правительства в составе представителей казаков, иногородних и горцев (71), однако по причине стремительного развития последующих событий, данное предложение не получило широкой поддержки.

С 24 сентября по 14 октября в Екатеринодаре проходила 2-я сессия войсковой Рады, провозгласившей тогда себя краевой. Главнейшими вопросами повестки дня Рады являлись: принятие конституции Кубанского края и выборы войскового атамана. Делегаты Рады разделились на две группировки, выдвинувшие своих кандидатов: «черноморцев» и «линейцев».

Перед выборами атамана Кондратий Лукич, не желая обострять ситуацию на Кубани и провоцировать возможные волнения, совершил не столько гибкий политический, сколько мужественный гражданский поступок, объявив о своем уходе с поста комиссара Временного правительства. На выборах он выставлял свою кандидатуру, однако не получил большинства голосов, потерпев первое в жизни политическое поражение (72). Несмотря на победу противников, Кондратий Лукич был далек от мысли об уходе с политической арены, и был избран представителем Кубанского края при Временном правительстве, но до Октябрьской революции так и не успел выехать в Петроград (73).

После известия о победе большевистского восстания в Петрограде областное начальство сразу же заявило о непризнании Совета Народных Комиссаров и введении в области военного положения. Несмотря на заявление, сделанное Бардижем об отставке, документы о введении военного положения объявлялись не только от имени войскового правительства, но и от имени комиссара Временного правительства. Сам же бывший комиссар не потерял уважения земляков. В ноябре, когда вторая сессия краевой Рады избрала краевое правительство во главе с А. Бычем, в его состав вошли и Кондратий Лукич и его старший сын Вианор. Первый стал «представителем при центральной власти», второй был делегирован от Кубани в состав правительства Юго-Восточного Союза, по-прежнему оставаясь и членом Совета Союза казачьих войск (74) (в литературе встречается упоминание о том, что К. Л. Бардиж стал членом правительства по внутренним делам). На декабрьской сессии краевой Рады лишь речь К. Л. Бардижа смогла подвигнуть делегатов к единению во имя защиты от врага, «горшего, чем турки и немцы, ибо этот враг проникает в самую душу, разлагает ее морально» (75). Рада ответила на речь оратора шумной овацией.

Последним крупным политическим достижением Кондратия Лукича стало формирование «паритетного правительства» и «паритетной законодательной Рады», в состав которой, помимо казаков, вошли представители горцев и иногородних (76). Будучи одним из главных «творцов» новой административной системы, сам К. Л. Бардиж отказался войти в правительство, посвятив свою деятельность созданию добровольных отрядов так называемого «вольного казачества» для борьбы с враждебными большевистскими силами.

В конце декабря 1917 г. – начале января 1918 г. Бардиж возглавил экспедицию на Тамань. Основную часть экспедиции составил один из взводов 2-й Кубанской казачьей пластунской батареи, один из офицеров которой (А. Скрылов) оставил воспоминания об этом не совсем обычном мероприятии (77). Оно носило военно-политический характер. Как пишет Скрылов, К. Л. Бардиж «пользовался среди казаков большой популярностью, а потому

являлся самой подходящим лицом для выполнения поставленной ему задачи: повлиять на “нейтральную” молодежь – фронтовиков, прибывших с фронта по дороге через бурлившую в революционном котле Россию и отчасти хвативших отравной пропаганды “миротворцев” – большевиков». Подручными средствами на вокзале Черноморско-Кубанской железной дороги был изготовлен самодельный «бронепоезд», на котором и отправилась экспедиция. Длилась она всего несколько дней и в определенной степени способствовала временному усилению позиций краевого правительства.

В эти же дни К. Л. Бардиж выступил с идеей, видимо навеянной романтикой «былого Запорожья» – создания гайдамацких отрядов т.н. «вольного казачества». Проект этот несколько раз обсуждался на заседаниях правительства и 20 января оно приняло решение: «1) Признать желательной организацию военной силы для обслуживания Края на основаниях, изложенных в уставе “Вольного Казачества”; 2) впредь до сформирования добровольческих батальонов в полном их составе из ассигнований на означенные батальоны удовлетворять формируемые отряды “Вольного Казачества” в виду полного совпадения целей и назначения отрядов» (78). Начался набор в отряды «гайдамаков». В своем воззвании Кондратий Лукич писал: «... в руки народной власти необходимо дать реальную силу <...> Сила эта в обеспечение идей народоправства должна быть организована самим народом, вся система должна удовлетворять самым широким демократическим началам и должна быть организована немедленно» (79). «Вольное Казачество» мыслилось его отцу-основателю не простым военным отрядом, а целой организацией, задачей которой являлась защита «своей вольности, своих прав на самоопределение», изучение истории и географии своего края, политической и социальной истории своего народа, умственное и физическое развитие граждан, борьба с пьянством и винокурением и т.п. Членами «Вольного Казачества» могли быть и неказаки. В военном отношении «Вольное Казачество» создавало бы «Краевое Кубанское войско». «Вольные казаки» – «гайдамаки» – составляют курени, полки и два коша – кош Войска Черноморского и кош Войска Линейного (80).

15–16 января 1918 г. в родной для Бардижа станице Брюховецкой состоялась Черноморская Рада, созванная по его инициативе. Задача Рады заключалась в мобилизации населения на борьбу с большевиками. В резолюциях Рады говорилось: «...на Казачество Черноморская Рада смотрит не как на сословие или военную касту, а как на общину, исторически сложившуюся, представляющую своеобразный и самобытный земельный, экономический и культурно-бытовой уклад, и имеющую наравне с другими национальностями право на самоопределение. Смотря так на Казачество, Черноморская Рада признает Кубанский край новым государственным образованием Российской Республики» (81).

Будущий походный атаман ККВ и войсковой атаман в эмиграции В. Г. Науменко, описывая ситуацию на Кубани в январе 1918 г., отмечал, что в Таманском и Ейском отделах области «...К. Л. Бардиж успешно приступил к формированию казачьих отрядов и быстро захватил в свои руки район на севере до станицы Приморско-Ахтарской и Старо-Минской, а на юге почти до Крымской» (82). Но вскоре ситуация изменилась. Войсковой атаман А. П. Филимонов писал в своих воспоминаниях: «...К. Лукичу удалось собрать тысячи три гайдамаков. Но воинского духа в них вдохнуть он не сумел. Гайдамаки разбежались при первой же слабой попытке наступления большевиков со стороны Новороссийска и станицы Крымской. К.Л. Бардиж, жестоко разочарованный и потерявший во все веру, вернулся в город Екатеринодар» (83). Чуть позже, перед оставлением города краевым правительством, последний отряд гайдамаков под командованием есаула Адамова не выполнил приказ командующего войсками Кубанской области обеспечить защиту Черноморского вокзала; гайдамаки «ушли на Владикавказский вокзал» (84).

22 февраля 1918 г. на совещании у войскового атамана решался вопрос о дальнейшей судьбе Екатеринодара. Один из его участников – В. Г. Науменко – сделал запись выступлений. Бардиж говорил: «Нет сомнения, что правительству надо идти. Идти лишь казакам – иногородних не брать. В станицах нарастает сопротивление большевикам. Возвращаясь к направлениям, останавливаясь на Новороссийском, дойдя хотя бы до Крымской. В Крымской снаряды и патроны. Уходить далеко не следует. Могут появиться внешние причины – по слухам, немцы в Киеве, Севастополе и в Одессе. Реквизицию производить в широких размерах. Население хочет силы» (85).

Правительство и Рада приняли решение оставить Екатеринодар. 28 февраля 1918 г. их отряд оставил город. Но еще раньше К. Л. Бардиж во главе небольшого отряда, куда входили и два его сына – Вианор и Николай – покинули город, направляясь в горы. Им удалось почти добраться до Туапсе, но в районе Архипо-Осиповки Кондратий Лукич был опознан местными жителями и арестован. Решением Туапсинского ревкома все пленные были приговорены к расстрелу. Погибли они 9 марта 1918 г., в день, когда К. Л. Бардижу исполнилось пятьдесят лет...

После возвращения в Екатеринодар Кубанского краевого правительства вдовы К. Л. и В. К. Бардижей обратились к войсковому атаману с просьбой о захоронении тел Кондратия Лукича и обоих его сыновей в ограде Воскресенской церкви (86). Учитывая «заслуги Бардижей перед краем» краевое правительство решило осуществить похороны за войсковой счет, построив для погребения семейный склеп (87).

13 (26) декабря состоялись торжественная церемония похорон. Траурная процессия в сопровождении войск, хора певчих и трубачей прошла с вокзала,

куда поездом доставили тела погибших, по Екатерининской и Красной улицам к войсковому Александро-Невскому собору, а затем на Крепостную площадь, где и состоялось погребение. Для несения венков из чинов екатеринодарской городской стражи были назначены двадцать стражников – уроженцев ст-цы Брюховецкой (88). В память о Бардижах Кубанская Законодательная Рада 14 февраля 1919 г. учредила четыре стипендии по 450 руб. в Брюховецком реальном училище (89).

К сожалению, после установления на Кубани советской власти Воскресенская церковь, в ограде которой был устроен склеп Бардижей, была разрушена, все находившиеся там могилы уничтожены. Сейчас только примерно можно указать место, где они находились (территория краевой детской клинической больницы). Семье Бардижей пришлось бежать с Кубани. В настоящее время в Москве живут потомки по линии сына Вианора Бардижа Всеволода Вианоровича.

Современник Бардижа Д. Е. Скобцов весьма образно и точно охарактеризовал историческое значение ухода из жизни этого мятущегося человека: «В лице К. А. Бардижа отошла в вечность любопытнейшая и красочная фигура, перекидывавшая мост от суетливо-кровавой современности к былому запорожскому рыцарству» (90).

Не стало того человека, который, с горечью смотря на современное ему состояние казачества, однажды сказал: «У нас не должно быть ни казаков, ни крестьян, ни мещан, а должны быть все равноправные граждане!..» (91). Политик и хозяйственник, он сетовал, тем не менее, на почти полное отсутствие исторических сведений по истории Кубани, а издание большинства их считал зависимым от интересов государственного заказчика в лице административной власти, а не народа. Казак до мозга костей, Бардиж указывал на необходимость более чуткого отношения к проблемам аборигенного населения края – черкесов (92), действительно немало пострадавшим в годы Кавказской войны.

Кроме того, Бардиж осознавал, что вековое стремление казачества к сохранению своей самобытности привело к ужасным последствиям для всего населения Кубани и провидчески обронил в 1907 г. следующее: «Бродят мысли у всех народов, у казаков, у мужиков. Ежели этот клапан заткнуть, выстоит несколько лет, а потом что будет, *светопредставление* (выделено нами. – **С. К., Д. С.**)» (93).

Сегодня многие слова этого *российского гражданина* звучат как никогда актуально в условиях, когда на Кубани начала XXI в. процветает регионализм, принимающий порой формы политического и этнического эгоцентризма, влекущий за собой, к сожалению, рост ксенофобских настроений в кубанском обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. – Париж, 1922.
2. Бардиж Кондрат Лукич // Казачий словарь-справочник / А. И.Скрылов, Г. В. Губарев. – Кливленд, Охайо, 1966. – Т. 1. – С. 54–56.
3. Куценко И. Я. Кубанское казачество. – Краснодар, 1993. – С. 171.
4. Зайцев А. А. Бардиж // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. – Краснодар, 1997. – С. 39–40.
5. Бардадым В. П. Судьба комиссара Кондрата Бардижа // Бардадым В. П. Замечательные кубанцы. – Краснодар, 2002.
6. Карапетян А. А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). – Краснодар, 2001.
7. Трут В. П. Казачий излом. – Ростов н/Д, 1997; Футорянский Л. И. Казачество России в огне Гражданской войны (1918–1920 гг.). – Оренбург, 2003.
8. Филимонов А. П. Кубанцы // Белое дело: избр. произв.: в 16 кн. – М., 1993. – Кн. 2: Ледяной поход.
9. Бардиж К. А. Вольное казачество // Вольная Кубань. – 1918. – № 18. – 26 янв.
10. ГАКК. Ф. 671. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
11. Казачий словарь-справочник...
12. ГАКК. Ф. 671. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.
13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 15.
14. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 299. Л. 5.
15. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 16.
16. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 299. Л. 44.
17. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 366. Л. 23.
18. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 366. Л. 68 об.
19. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 366. Л. 59 об.
20. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 299. Л. 192.
21. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 299. Л. 192 об.
22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 16.
23. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 16.
24. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 16.
25. Братолобова М. В., Перехов Я. А. Депутаты-казаки // Казачество России: история и современность: тез. Междунар. науч. конф. (8–11 октября 2002 г.). – Геленджик, 2002. – С. 26.
26. Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. – Краснодар, 1993. – С. 280.
27. Бардадым В. П. Указ. соч. – С. 93.
28. Карапетян А. А. Кубанское казачество и Государственная Дума четырех созывов начала XX века // Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы междунар. научно-практич. конференции. – Краснодар, 1996. – С. 104.
29. Братолобова М. В. Казачья проблема в Государственной Думе России в начале XX века // Голос минувшего. – 2003. – № 1–2.
30. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 3.
31. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 2 об.
32. Галутво А. М. Парламентская деятельность кубанских казаков: история и современность // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. тр. – Ростов н/Д, 1996. С. 56–59; Братолобова М. В., Перехов Я. А. Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. – Ростов н/Д, 2000. – С. 325.

33. Карапетян Л. А. Кубанское казачество и Государственная Дума... – С. 104.
34. Кубанские областные ведомости. – 1907. – 31 марта. – № 73.
35. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 4–4 об.
36. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 15.
37. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 21.
38. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 21.
39. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Т. 4. Д. 11577. Л. 34.
40. Братолобова М. В. Казачья проблема... – С. 22.
41. Там же. – С. 23.
42. Невская Т. А. Казачество и столыпинская земельная реформа // Казачество в истории России: тез. докл. междунар. науч. конф. «Казачество в истории России (к 200-летию Екатеринодара и 43 кубанских станиц)». – Краснодар, 1993. – С. 93.
43. Карапетян Л. А. Кубанское казачество и Государственная Дума... – С. 103.
44. Новая Заря. – 1909. – № 713–717 (4–8 марта).
45. Короленко В. Г. К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев // http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Korol_Beilis.htm
46. Россия. XX век. Политическая полиция и политический терроризм в России // http://www.auditorium.ru/books/472/p_26.htm
47. Кубанские областные ведомости. – 1912. – № 229. – 21 октября.
48. Донская волна. – 1918. – № 6. – С. 13–14.
49. Тан. Депутаты Второй Думы. Очерки и наброски // Русское богатство. – 1907. – № 5. – С. 97.
50. Карапетян Л. А. У истоков российской многопартийности... – С. 324.
51. Кубанский край. – 1911. – № 26, 27, 36.
52. Кубанские областные ведомости. – 1912. – № 223. – 13 октября.
53. Кубанский курьер. – 1909. – 2–3 июля.
54. ПСЗ-3. Т. 31. 1911. Ст. 35560.
55. Кубанские областные ведомости. – 1911. – № 187. – 2 сентября.
56. Общество Черноморско-Кубанской железной дороги. Доклады правления IV общему собранию акционеров 28 ноября 1912 г. – Екатеринодар, 1913. – С. 5.
57. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 2836. Л. 102 об.
58. Черников В. Н. Цемент Кубани // По страницам истории Кубани. – Краснодар, 1993. – С. 150.
59. Трут В. П. Указ. соч. – С. 76–77.
60. Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 3-х т. – Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). – М., 2003. – С. 444–445.
61. Казыдуб Г. Про меня // http://nativregion.narod.ru/simple_85.html
62. Филимонов А. П. Указ. соч. – С. 116.
63. Зайцев А. А. Указ. соч. – С. 39.
64. Филимонов А. П. Указ. соч. – С. 119–120.
65. Постановление Комиссара Временного правительства № 57 // Вольная Кубань. – 1917. – 11 июля.
66. Рада // Казачий словарь-справочник / А. И. Скрылов, Г. В. Губарев. – Сан-Ансельмо, Калифорния, 1970. – Т. 3. – С. 8.
67. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 235. Л. 35.
68. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 7. Л. 16–18.
69. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 235. Л. 22 об.
70. Зайцев А. А. Указ. соч. – С. 39.

71. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 235. Л. 30.
72. Филимонов А. П. Указ. соч. – С. 123.
73. Бардиж Кондрат Лукич...
74. Вольная Кубань. – 1917. – № 108. – 21 ноября.
75. Бардиж Кондрат Лукич...
76. Зайцев А. А. Указ. соч. – С. 40.
77. Скрылов А. Экспедиция Бардижа на Тамань в самодельном «бронепоезде» // Первые бои Добровольческой Армии. – М., 2001. – С. 334–338.
78. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 302. Л. 120.
79. Вольная Кубань. – 1918. – № 18. – 26 января.
80. Там же.
81. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 371. Л. 50.
82. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 371. Л. 278.
83. Филимонов А.П. Указ. соч. – С. 122.
84. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 371. Л. 287.
85. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 371. Л. 284.
86. ГАКК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об.; ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 297. Л. 105.
87. ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 459. Л. 1.
88. Новое Утро Юга. – 1918. – 22 декабря.
89. ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 241. Л. 4.
90. Скобцов Д.Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. – Париж, 1922. – С. 72.
91. Цит. по: Бардадым В.П. Указ. соч. – С. 95.
92. Тан. Указ. соч. – С. 100.
93. Там же. – С. 102.